

Пролог

Когда я очнулась, было холодно и у меня ныло все тело. Я лежала, прижавшись щекой к цементному полу, холод которого гасил остатки моей ярости. Той, которая заставляла меня кричать, кусаться и царапаться. Теперь я расплачивалась за это, но, начнись все сначала, сделала бы то же самое.

Перекатившись на спину, я поднесла руку к лицу, но ничего не увидела. Меня бросили в полной темноте. Руку саднило там, где в нее воткнулась щепка, — славная боевая рана. Пахло плесенью. От страха покалывало в ступнях. Боясь увидеть призрак мертвой девушки, я закрыла глаза.

Сколько времени мне придется провести здесь? Может, меня уморят голодом и оставят до тех пор, пока я не начну гнить? Я представила, как сестра Гертруда скидывает мое тело в могилу, где лежат другие безымянные девушки. Моя семья никогда не узнает, что со мной случилось.

Я ползком преодолела несколько метров, испытывая нестерпимое желание помочиться. Мы с сестрой все время выдумывали разные истории, мечтая о будущем, но жизнь оказалась не похожа на сказку. Выяснилось, что действительность состоит из суровых непреложных фактов, таких как необходимость справить нужду и невозможность выбраться из этой холодной мрачной клетки. Я скорчилась, надеясь, что мочевого пузырь уймется, но это не помогло. Тогда я присела и, задрав юбку, спустила штаны. Струя брызнула в ногу, и наступило облегчение. Едкий запах мочи мешался с запахом лука и чеснока, которые держали в бочках

за дверью. Меня сунули под землю, похоронили вместе с овощами. И здесь меня найдут избитой, фиолетовой от синяков и неузнаваемой.

Я попробовала обратный счет от пятисот, потом от тысячи. Затем принялась цитировать Священное Писание, но страшно разозлилась на Бога и переключилась на Шекспира. Я думала о цыганятах, которые играли в Ромео и Джульетту под дождем, о Трее, Марселле и предсказании моего будущего. Думала обо всех ошибках, которые совершила. Я хотела обвинить в них отца — он предал семью и заставил нас бунтовать. Но теперь, запертая в недрах Дома милосердия, я готова была все ему простить, лишь бы он пришел за мной.

Потом время потеряло границы, как всегда случилось, когда я начинала плакать, вспоминая свою сестру. Мой разум затуманился. В лишенной окон комнате не было способа отличить день от ночи или минуту от часа. Когда дверь открылась, впустив полоску бледно-серого света и поднос с едой, я попыталась понять, утро сейчас или вечер, но не смогла. Дверь захлопнулась, и я снова погрузилась в темноту. Глотнув воды, я поднесла ко рту затхлый, пахнущий старой патокой хлеб. Какая разница, утро сейчас или вечер? За мной все равно никто не придет ни сюда, ни в другое место.

Почувствовав, что силы снова меня покидают, я легла на жесткий пол, подложив руки под щеку, и закрыла глаза. Какое облегчение погрузиться в иную темноту! Страх здесь кажется менее осязаемым, и я могу оказаться где угодно. Могу вернуться в ту ночь, когда простая и чудесная мелодия скрипки зывала к нам совсем в другой непроглядной тьме. Но теперь я могла бы сделать другой выбор.

О если бы они не играли! Если бы мы с сестрой их не слышали!

Книга первая

Эффи

Мы с Луэллой вместе отвоевывали личное пространство в этом мире. Точнее, сестра отвоевывала, а я ей помогала. Следы моих усилий оставались внутри прочерченных ею границ. Она была старше, храбрее и вела себя непредсказуемо. Ошибка природы!

— Луэлла! — позвала я, испугавшись, что она меня потеряет, и тут же услышала: «Я тут!», но отыскать ее взглядом так и не смогла.

Безлунная ночь поглотила леса верхнего Манхэттена, которые мы так хорошо изучили при дневном свете. Теперь нам приходилось идти вслепую, оступаясь, натываясь на деревья, сворачивая и тут же снова натываясь на другие; мы двигались, выставив вперед руки, и все вокруг казалось чужим и бесформенным.

Откуда-то из слепой черноты сестра протянула руку и, поймав меня, заставила остановиться. Я жадно хватала ртом воздух, сердце колотилось так, что сотрясалось все тело. В небе не было ни единой звездочки. Только ее ладонь подтверждала, что сестра действительно стоит рядом.

— Ты в порядке? Дышать можешь? — спросила она.

— Да, но я слышу шум ручья.

— Знаю!

Это означало, что мы идем не в ту сторону. Нам нужно было перебраться через холм и попасть на Болтон-роуд. А теперь мы оказались у ручья Спайтен-Дайвил, дальше от дома, чем в самом начале пути.

— Нужно найти дорогу и идти к дому, — предложила я.

По крайней мере, на дороге не так темно благодаря свету из окон.

— Но это в два раза дольше! Мама и папа уже полицию поднимут.

Наши родители всегда тревожились — папа за наше физическое благополучие, мама — за наши души. Однако я все равно предпочла бы выйти на дорогу, потому что они так или иначе стали бы нас искать.

— Но это лучше, чем вообще не попасть домой! — взмолилась я.

Луэлла шла вперед, таща меня за собой, а потом резко остановилась:

— Я на что-то наткнулась... поленница! Здесь должен быть дом.

— Мы увидели бы свет, — прошептала я.

Под ногами зачавкало, резко пахнуло навозом.

— Все равно хорошо. — Луэлла отпустила меня. — Я пойду вперед, а ты иди вдоль поленницы.

Держась рукой в перчатке за шершавые круглые бревна, я добралась до конца поленницы и сделала шаг в пустоту, в черноту, как будто завешенную плотными шторами, которые мне хотелось сорвать. Я слышала плеск ручья неподалеку. Что, если мы упадем в него? Через несколько шагов я задела плечом дерево и потрогала ствол. Он показался мне огромным. Я обошла вокруг, скользя пальцами по бугоркам и трещинкам морщинистой коры, и вдруг поняла, где мы.

— Лу! — шепотом позвала я. — Здесь тюльпановое дерево.

Ее шаги затихли. Мы с Луэллой твердо верили в привидения, а историю сборщика устриц, который повесился в старом доме у тюльпанового дерева, знали все. Мы никогда не осмелились бы подойти так близко к этому дому. Даже при свете дня не рискнули бы, разве что поглядеть на него с вершины холма.

Луэлла с шипением выдохнула сквозь зубы:

— Даже если тут водятся призраки, люди тут тоже есть. В любом случае, слишком темно, чтобы разглядеть сборщика устриц, болтающегося на веревке.

Это меня не успокоило. Горло сжалось, легкие перехватило. Луэлла всегда была храбрее меня. Даже в обычной жизни я часто впадала в панику. А теперь я застыла на месте, и, как всегда, приступ страха подстегнул мое воображение.

«Когда наступает день, девочек все еще не могут найти. Солнце встает и согревает холм, где они стояли в последний раз. Поодаль, под лодкой раннего рыболова, журчит река, свет отражается от чешуек рыбы, возмущенно бьющейся в сети. Рыбак бросает сеть на палубу и краем глаза замечает что-то в воде — чье-то тело, поднятое на поверхность надувшейся, как тухлая рыба, юбкой. Лицо девушки в воде, темные волосы струятся по течению, словно водоросли, огибающие камень».

Я встряхнула головой, прогоняя эти мысли из головы. Земля под ногами, дерево под рукой, запах гниющей рыбы и навоза — все это было вполне реальным.

Треск веток под шагами Луэллы — тоже, и короткий стук по дереву, тишина, а потом скрежет тяжелого за-сова и лягз защелки. Вспыхнул свет, и наружу высунулся бородатый урод. Глаза обведены красными кругами, зубы в ощерившемся рту давно сгнили. Я вскрикнула. Человек дернулся и чуть не захлопнул дверь, но тут заметил мою сестру.

— Какого черта?! — прогремел он.

Фонарь в его руке качался, освещая деревья.

Я собралась было снова закричать, но сестра сказала сладким голоском:

— Прошу прощения за беспокойство, сэр, но мы, кажется, заблудились в темноте. Если бы вы одолжили нам фонарь, чтобы мы могли найти дорогу домой, мы были бы вам ужасно благодарны. Я вернула бы его утром. Непременно!

Человек поднял фонарь и сделал шаг вперед, вглядываясь в лицо говорившей. Потом оглядел ее платье.

— Мы? — переспросил он.

Мне очень не понравилось, как он на нее смотрел. Я и раньше видела такой взгляд у мужчин... но не в темноте и не в отсутствие взрослых.

— Сестра где-то здесь. — Луэлла сделала шаг назад, стараясь приблизиться ко мне, но я все равно находилась еще слишком далеко.

— Это она орала? — усмехнулся мужчина.

— Если вы дадите нам фонарь, мы легко найдем дорогу. — Голос у Луэллы дрожал, и она сделала еще один шаг назад.

— А ну стой! — Он схватил ее за руку.

Лучше бы это был призрак, чем живой мужчина из плоти и крови! Я хотела позвать на помощь, но нас все равно никто не услышал бы. Может, мне стоит

выскочить из темноты и вырвать у него фонарь, а потом схватить сестру за руку и броситься прочь?

Но я ничего из этого не сделала. Я стояла, парализованная ужасом, а сестра приблизилась к мужчине, задев подолом его ногу.

— Вы такой добрый. — Она положила ладонь на его руку.

Он так опешил, что тут же разжал пальцы.

— Как это мило с вашей стороны. Мы никогда не забудем вашего рыцарского поведения! — Она быстро чмокнула его в рябую щеку, выхватила фонарь и, развернувшись, подбежала ко мне, схватила за руку и потянула изо всех сил в сторону холма.

Ошарашенный поцелуем, мужчина остался стоять на крыльце в полной темноте. Думаю, он принял нас за парочку призраков.

Мы не останавливались, пока не добрались до собственного дома, где страх перед родителями вытеснил боязнь темноты и привидений.

Тяжело дыша, я наклонилась и уперлась руками в колени.

— У тебя «синего» приступа не будет? — спросила Луэлла без всякого сочувствия.

Если бы это случилось, родители обвинили бы ее, потому что она была старше, а значит, отвечала за меня. Мне не разрешалось бегать — очень простое правило.

Я покачала головой, не в силах ответить. Дышала я медленно и размеренно, пытаюсь успокоиться.

— Ну и хорошо. — Она задула фонарь и, усмехнувшись, спрятала его под кустом абелии.

Сестра явно гордилась своей находчивостью, позволившей заполучить этот фонарь, и не волновалась из-за того, что мы заявимся в столь поздний час. Папа

наверняка разозлится. Мама станет браниться. А Луэлла примет виноватый вид, попросит прощения, поцелует маму, обнимет папу — и все станет так, как будто она никогда не делала ничего дурного. Несмотря на непокорность, сестру обожали.

Сегодня, впрочем, нам не пришлось волноваться. Когда мы вошли, Неала, наша служанка, протирала стекло на высоких часах. Они громко тикали, словно подтверждая наше опоздание.

— Даже спрашивать не стану, — сказала она с сильным ирландским акцентом.

Неала была совсем молоденькой и «очень живой», как говорила мама. Может быть, именно поэтому она никогда на нас не ябедничала.

— Родители ваши ушли, а Вельма сжалилась и оставила вам ужин в кухне. Нет нужды накрывать для вас двоих в столовой.

Когда я проскользнула мимо нее, она замахнулась на меня пыльной тряпкой и покачала ярко-рыжей головой в притворном неодобрении.

Теперь нам оставалось остерегаться только Марго — маминой французской горничной, приехавшей с ней из Парижа. Это была старая, но крепкая симпатичная женщина с глазами цвета стали и темными, без седины волосами. Верная своей хозяйке, она докладывала о каждой нашей ошибке. Сегодня спальня Марго, расположенная рядом с кухней, оказалось пустой, так что мы с Луэллой быстро поели и, пока горничная не вернулась, разбежались по своим комнатам.

Я слишком устала, поэтому не стала утруждать себя расчесыванием волос. Так и залезла в кровать с тетрадкой, где собиралась описать наше приключение так, чтобы оправдать опоздание. Это папа приучил меня

писать истории. В детстве я замирала, когда мне задавали вопросы. Я смотрела на спрашивающего, не понимая, чего от меня хотят, и не могла найти правильных слов. Когда мне исполнилось шесть, папа подарил мне тетрадку и блестящую черную ручку и сказал: «В твоих глазах тайна. Я люблю хорошие тайны. Запиши ее для меня». И тогда слова потекли сами собой — по крайней мере, у меня в голове.

Когда руку стало сводить, я сунула тетрадку под подушку, погасила лампу и принялась ждать Луэллу, которая всегда тщательно расчесывала перед сном волосы. Она вычитала в журнале «Вог», что это укрепляет слабые корни.

Мы по-прежнему спали вместе, хотя у каждой имелась своя комната. Когда мы были маленькими, наши кровати стояли так далеко друг от друга, что одной из нас приходилось ползти через всю детскую, чтобы забраться под одеяло к другой. Когда Луэлле исполнилось тринадцать, она получила собственную спальню, а детская стала моей. Узкую кровать заменили широкой дубовой под балдахином, а детский шкафчик уступил место большому красивому гардеробу, куда влезли бы все женственные платья, до которых мне еще предстояло дорасти. Тогда мне только исполнилось десять, и я питала большие надежды относительно своей будущей фигуры.

В тринадцать стало сложнее делать вид, что я когда-нибудь дорасту до платьев, достойных такого гардероба. Я всегда была некрупной, но когда девочки вокруг стали наливаясь и превращаться в девушек, я так и осталась мелкой и тощей, вообще без всякой фигуры. Луэлла давно меня обогнала. На такой же узкой, как у меня, грудной клетке у нее выросла красивая полная грудь,

а тонкая талия эффектно контрастировала с широкими бедрами. Даже лицо у нее округлилось, и ямочки утонули в полных щеках. Но больше всего я завидовала ее ногтям. Они были гладкие и ровные, а белые ногтевые лунки походили на маленькие улыбки или полумесяцы. Мои же кутикулы торчали некрасивыми наростами, а ногти были бороздчатые и неровные, как будто я окунула пальцы в жидкий воск.

Прыгнув в мою постель, Луэлла прижалась ко мне и прошептала:

— Правда, было здорово? Я так и слышу скрипки и этот голос. Никогда ничего лучше не слышала. Вот где настоящий порок!

Это было правдой.

Болтая ногами в каком-нибудь дюйме от ледяной весенней воды у индейских пещер, мы вдруг услышали музыку. Скрипка заиграла в тот момент, когда мы, сняв чулки, готовились к весеннему ритуалу «замораживания» ног. Но, зачарованные сладкозвучным голосом, плывущим между деревьев, мы позабыли о своей цели — а ведь от нас зависело, распустятся ли цветочные бутоны! — схватили туфли и чулки и полезли вверх по поросшему травой склону. Остановились под деревьями. Этот луг всегда был пуст, а теперь на нем выросли шатры и выстроились ярко раскрашенные фургоны. Стреложенные лошади жевали траву, собаки лежали, уронив головы на лапы, а люди обступили танцующую женщину — руки подняты над головой, цветастая юбка надувается колоколом, скрипка и голоса рождают ее движения.

Луэлла обхватила меня за талию. Я почувствовала, что сестра дрожит.

— Посмотри, какая она красивая. Хочу двигаться так же, — прошептала она, жарко дыша.

С пяти лет сестра училась балету под руководством русского хореографа. «Французы — хорошие танцоры, — сообщила нам наша французенка-мать, отличавшаяся мелодичным акцентом. — А вот русские — великие. Американцы же, — тут она фыркнула, — ничего не знают о балете».

Цыганка танцевала совсем по-другому. Я никогда не видела ничего подобного. Она, казалось, гипнотизировала, была неумоима и совершенна. Мы с сестрой долго стояли там, не замечая, как остывает вокруг нас воздух, как опускается за деревья солнце. Наконец мы остались в полной темноте и не могли понять, куда идти.

Теперь, уютно устроившись в безопасной теплой кровати и не получив даже выговора, мы дружно решили, что оно того стоило.

— А если бы мы не нашли дорогу домой? — Луэлла закинула на меня ногу.

— А если бы нас схватил сборщик устриц?

— И затащил в дом своей призрачной клешней.

— И перерезал бы тебе горло.

— Эффи!

— Что? — В своих фантазиях я была храброй.

— Не надо так уж зверски. Он мог бы просто задуть меня подушкой.

— Хорошо, он задухнул бы тебя и взял в свои призрачные жены. А я бы бродила по пустому дому, слышала бы тебя, но не могла найти.

— Мама с папой стали бы нас искать.